

расходясь в отношении российских проблем, оба направления социально-утопической российской мысли сходились в негативном отношении к Дунайской монархии. Австрийское государство служило для отечественной утопии негативным зеркалом, отрицательным примером, которого должна была избежать моделировавшаяся утопистами «счастливая новая Россия».

Культурно-исторический синтез, присущий «двуединой монархии», русская утопия предпочитала не замечать, расценивая ее лишь как случайную эклектическую комбинацию, порожденную династическими интригами прошлого. Это драматическое заблуждение стало одним из детонаторов геополитической катастрофы, разразившейся в августе 1914 г. и вызвавшей крушение империй континентальной Европы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Тютчев Ф.И. Россия и Запад // Тютчев Ф.И. Полное собрание сочинений и писем. В 6 т. Т. 3. Публицистические произведения. М.: Классика, 2003. С. 179-200.
2. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М.: Книга, 1991.
3. Данилевский Г.П. Жизнь через сто лет // Данилевский Г.П. Полное собрание сочинений в 24 т. Сборник «Нивы». Т. 19. СПб.: Тип. А.Ф. Маркса, 1901. С. 12-34.
4. Шелонский Н.Н. В мире будущего: Фант. роман. М.: Тип. И.Д. Сытина и К°, 1892.
5. Бакунин М.А. Государственность и анархия // Бакунин М.А. Философия. Социология. Политика. М.: Правда, 1989. С. 291-526.
6. Чернышевский Н.Г. Кормило кормчему. Знамение на кровле. Рассказы // Полное собрание сочинений. Т. XVI. М.: Гослитиздат, 1953. С. 338-356.
7. Красницкий А.А. За приподнятою завесой: Фант. повесть о делах будущего. СПб.: Я. Трей, 1900.
8. Шарапов С.Ф. Через полвека: Фантастический политико-социальный роман // Соч. Т. VIII. М.: Типолиитография А.В. Васильева и Компании, 1902. С. 1-80.

*Александр Георгиевич ЕМАНОВ —
зав. кафедрой археологии,
истории древнего мира и средних веков
Института истории и политических наук
Тюменского государственного университета,
доктор исторических наук, профессор
a_emanov@mail.ru*

УДК 94(100)

ЕСТЬ ЛИ СМЫСЛ В МЕДИЕВИСТСКИХ ШТУДИЯХ В РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ?

Аннотация. В статье рассматривается проблема состояния и перспектив развития современной российской медиевистики, роли периферийных центров медиевистических исследований.

Summary. The author upon preliminary analysis tackles the prospects of mediavistic studies in contemporary Russia, paying special attention to the role of regional mediavistic centres.

Ключевые слова. Медиевистика, периферийные центры.

Key words. Mediavistic, peripheral centers.

Парадоксально, но в старой России такой вопрос не мог и возникнуть. Тогда существовало классическое университетское образование на историко-филологических факультетах, где давались унифицированные и одинаково качествен-

ные знания как по всем основным разделам всеобщей и российской истории, так и по классическим и новоевропейским языкам. Тогда не существовало разительной дистанции между столичными и провинциальными вузами. Находившийся на окраине огромной империи Новороссийский университет вполне мог оспаривать у Московского и Санкт-Петербургского университетов право на приоритет в становлении отечественной медиевистики. В отличие от столичных центров ранних медиевистических интересов, отмеченных именами отдельных ученых (для москвичей главной фигурой всегда выступал Т.Н. Грановский; петербуржцы активно, но как будто гротескно, противопоставляли ему Н.В. Гоголя), Athenaeum'у Новороссии удалось продвинуться гораздо дальше — создать первое объединение ученых, изучающих античное и средневековое наследие, а именно: «Одесское общество истории и древностей» [1]; более того, новороссийским ученым удалось реализовать осмысленную и целенаправленную программу оригинальных исследований, осуществить масштабную публикацию источников и научных трудов, чем не могли похвалиться университеты Москвы и Петербурга; именно новороссийские ученые начали выпускать фундаментальные «Записки Одесского общества истории и древностей» [2], первое в России издание, специализировавшееся в области древности и средневековья [3]. Занимавший периферийное положение Харьковский университет был способен подготовить ученых такого масштаба, как М.М. Ковалевский, который еще в конце XIX в. начал работать с итальянскими частнопровыми актами XIII-XV вв. в архивах Генуи и Венеции, намного опередив столичных медиевистов.

В советскую эпоху стал ощущаться разительный контраст между центром и периферией. Западная литература, зарубежная периодика поступали только в центр. Ученые центра имели подавляющее преимущество в международной коммуникации и академической мобильности. Показательны списки выезжавших на международные конгрессы по историческим наукам в советский период, в которых значились имена только московских и ленинградских ученых. Тогда стало казаться, что медиевистикой можно по-настоящему заниматься только в Москве и Ленинграде, где для этого были соответствующие условия. Там поддерживались традиции высокой выучки. Там сохранялось определенное наследие в виде памятников латинской и греческой средневековой книжности, собраний средневековых документов на латинском, греческом и «народных» языках, коллекций средневековых артефактов и т. п. Там находились уникальные специалисты, способные понимать средневековые источники. Медиевистика сделалась элитарным занятием, привилегией немногих знатоков. И все же советская империя была далека от тотальной централизации. Известной альтернативой Москве и Ленинграду выступали столицы союзных республик. В Ереване и Тбилиси сохранялись самостоятельные традиции византистики. В Киеве, Минске и прибалтийских столицах развивались свои собственные медиевистические приоритеты.

Постсоветские времена привели к невиданной гиперцентрализации. В современных условиях даже Петербург, несмотря на восстановление своего исторического имени, выглядит глухой провинцией по сравнению с Москвой. Западная периодика и литература, в многократно сократившемся количестве, поступают только в столицу. Там сконцентрированы все экономические, инструментальные и интеллектуальные ресурсы. Там действуют эксперты западных и российских научных фондов, сосредоточены все аттестационные и сертификационные институты (ВАК, УМО и т. п.), ответственные за оценку академических достижений, в том числе и в области медиевистики.

При кажущейся либерализации и открытости нынешней научной среды, при фантастических возможностях академической коммуникации эпохи Интернет, историк из провинции, а медиевист в особенности, имеет многократно меньше шансов для успешной реализации своего потенциала. Провинциальный медиевист заведомо проигрывает столичному.

Сегодня даже из уст суперинтеллектуала можно услышать сетование на то, что русская медиевистика перестала быть профессией избранных, которые знали друг друга в лицо; что русская медиевистика размывается, растекается по безграничным просторам России, и вот-вот она превратится в массовую профессию, наподобие квалификации менеджера или юриста, коль скоро медиевистов начинают готовить в какой-то Тьмутаракани, коль скоро становятся возможными защиты диссертаций по медиевистской тематике в неведомых Барнеаполях и т. д.

Сегодня стал, как никогда, болезненно ставиться вопрос: «Нужна ли медиевистика в провинции? Способен ли провинциальный медиевист получить принципиально новое знание по сравнению с западным медиевистом, работающим «на своем поле» и, по определению, лучше его знающим?» Словно в нынешней российской ситуации, когда бюджет некогда великой державы вдруг уменьшился, как шагреновая кожа, уступив по объему бюджету карликовых Нидерландов, стало непростительной роскошью растрачиваться на какие-то никому не нужные занятия медиевистикой.

Почему-то никому не приходило в голову сопоставить тенденции пространственного расширения медиевистских исследований в России начала XXI в. с общемировым трендом. Сегодня медиевистикой активно занимаются не только в Европе, но и в Америке, где, откровенно говоря, тоже нет никакого медиевального наследия. Более того, медиевистикой стали увлекаться в Южной Африке и Австралии, в Китае и Японии. Там образовались свои собственные медиевистские ассоциации [4], проводятся свои конгрессы [5], издаются свои журналы; в университетах вводятся магистерские программы *medieval studies*, проводятся защиты диссертаций. И это никого не смущает. Конечно, эти страны богаче и благополучнее России, они могут себе позволить организацию значительных по бюджету экспедиций для изучения памятников средневековья где-нибудь в Святых Землях, могут реализовывать дорогостоящие научные и издательские проекты [6].

Занятия медиевистикой в далеких от Западной Европы странах оказываются весьма оправданными. Они дают возможность критически осмыслить состояние своего общества, уровень его развитости. Результаты исследований медиевистов-неевропейцев исключительно важны и полезны для их западноевропейских коллег. Они дают возможность отстраненно взглянуть на свое прошлое и, соответственно, настоящее. Эти результаты всегда будут отличаться от результатов аналогичных исследований, проводящихся в Западной Европе. Если западная медиевистика выработала достаточно комфортное видение своего средневековья, создала во многом идеальное представление о своей эпохе *medium aevum*, то, к примеру, американская медиевистика разрабатывает совершенно альтернативное понимание западного средневекового общества как тотально репрессивного; радикальный путь его преодоления оказался возможен, как это ни странно, благодаря маргиналам, которые предпочли мигрировать на периферию тогдашнего мира, создав его новый образ. Отсюда становится понятен повышенный интерес американских медиевистов к истории маргинальных групп, девиантного поведения и т. п.

Есть надежда, что и российская провинциальная медиевистика способна прийти к оригинальным результатам, нетривиальным идеям.

Мне доводилось слышать от историков высокой квалификации, будто бы благожелательно относившихся к редким отраслям исторического знания, суж-

дение о том, что российский медиевист склонен удовлетворять свои личные амбиции и свои индивидуальные познавательные интересы за счет государства. В этом суждении можно почувствовать укор в общественной невостребованности и бесполезности труда отечественного медиевиста.

Здесь не хотелось бы говорить о косности и жесткой прагматичности современного российского сознания. Поставленный выше вопрос может быть переведен на прагматический язык еще жестче: «Зачем Тюмени и региону нужны медиевисты, да еще обладающие научными степенями?» Для квалифицированной презентации средневекового раздела в университетском курсе всемирной истории достаточно одного такого специалиста, не обязательно обладающего высокой научной степенью. Известно, что и формируемая в столице концепция перспективного развития Тюменского региона учитывает только естественнонаучные специальности, способные наиболее эффективно удовлетворять общероссийские потребности в источниках энергии, а также заинтересованность центра в извлечении сверхдоходов от дистрибуции углеводородных энергоносителей. Однако подобный подход определенно обрекает провинцию на модифицированно-колониальный статус. Приоритетная поддержка естественнонаучных дисциплин в виде грандиозных инновационных программ, создания сверхмощного технопарка, венчурных и иных фондов ведут к укоренению сервильного стиля мышления и, соответственно, поведения провинции. И здесь медиевистика, как наиболее непрагматичная часть исторического познания, по крайней мере, в России, приобретает особую, ничем не восполнимую социальную функцию: именно она самым фактом своего существования способствует сохранению свободы интеллектуального творчества, содействует поддержанию диверсифицированной, независимой в суждениях интеллектуальной среды и создает, таким образом, надежный иммунитет распространяющемуся как раковые метастазы сервизму.

Медиевистские изыскания, по самой своей предметности имеющие дело с множественным миром суверенных, локальных сообществ, создают перспективы для создания подлинной истории России, которая до сих пор презентировалась и продолжает презентироваться как история ее столицы. Результаты медиевистских исследований оказываются весьма востребованными у специалистов по локальной истории, поскольку они позволяют преодолеть узкие рамки историко-краеведческого подхода, этакого местного культурного нарциссизма, и включить однопорядковые явления регионального прошлого в общемировой цивилизационный процесс. Научные поиски медиевистов углубляют понимание современных политических, конфессиональных, этнокультурных, социальных и экономических тенденций. Оказалось, что медиевистские штудии могут максимально обогащать восприятие историко-культурного наследия самой провинции. Во время ознакомительных экскурсий по историческим местам Тюмени и окрестностям с профессорами из Италии, Германии, Франции и Польши не раз случались экспромтные дискуссии по поводу византийских и латинских форм культовой и фортификационной архитектуры, по поводу византийского и сиропалестинского стилей местной иконографии. Квалификация медиевиста потребуется и для понимания многих предметов западноевропейского и византийского импорта, некогда составлявших сокровища югорских князей и святыниц эпохи средневековья, а сейчас хранящихся в городских и поселковых музеях Севера. Без основательной медиевистской подготовки не обойтись и в работе с раритетными изданиями XVI—XVII вв. немецких, шведских и польских авторов, встречающимися в книгохранилищах Тюменского и Тобольского музеев. Но самое существенное — медиевистская подготовка, предполагающая знакомство с классическими и новоевропейскими языками, становится конкурентным преимуществом при выборе последующей сферы деятельности, особенно в вузовском образовании.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Брун Ф.К. Одесское общество истории и древностей, его записки и археологическое собрание. Одесса, 1870.
2. Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1844-1922. Т. 1-33.
3. Directory on scientific societies of Russia / By I. Komarova. N. Y.: N. Ross Publishing, 2000.
4. Medieval Association of the Pacific (MAP) // www.cmrs.ucla.edu; Australian and New Zealand Association for Medieval and Early Modern Studies (ANZAMEMS) // www.anzamems.arts.uwa.edu.au; Southern African Society for Medieval and Renaissance Studies (SASMARS).
5. International Congress on Medieval Studies at Kalamazoo / Western Michigan University // www.wmich.edu/medieval/congress; Jornades de Estudios Medievales / Buenos Aires University // www.medievaliso.org; «Medievalia» — Congresso Internacional / Mexico City University // www.walddemoheno.net/jornadasmedievales.htm.
6. Labyrinth. Resources fro Medieval Studies / By Georgetown University // www.labyrinth.georgetoown.edu; The ORB On-line Reference Book for Medieval Studies // www.the-orb.net; Internet Medieval Sourcebook / By P. Halsall // www.fordham.edu/halsall.

Наталья Петровна МАТВЕЕВА —

*профессор кафедры археологии,
истории древнего мира и средних веков,
доктор исторических наук;*

Владимир Михайлович КОСТОМАРОВ —
*аспирант кафедры археологии,
истории древнего мира и средних веков* —

*Институт истории и политических наук
Тюменского государственного университета
aetanol@utmn.ru*

УДК902 (=511.1)

**К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА
НАСЕЛЕНИЯ ПАХОМОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ
ЛЕСОСТЕПИ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ***

Аннотация. Статья посвящена проблеме погребального обряда пахомовской культуры. В оборот вводятся результаты исследования Усть-Терсюкского могильника, давшего уникальные материалы, позволяющие уточнить хронологию пахомовской культуры.

Summary. The article is devoted the specificity of funeral ceremony of the pakhomov culture. The authors employ the results of the examination of the Ust'-Tersyukskiy burial ground, that provided unique materials and allowed specifying the chronological scope of the pakhomov culture .

Ключевые слова. Погребальный обряд, пахомовская культура, Усть-Терсюкский могильник.

Key words. Funeral ceremony, pakhomovo culture, Ust'-Tersyukskiy of burial ground.

В конце II тыс. до н. э. в лесостепной зоне Западной Сибири на основе федоровского андроновского субстрата формируются новые культурные образования, получившие в археологической литературе название «андроноидные».

* Работа выполнена в рамках исследовательских и экспедиционных грантов аспирантов ТюмГУ за 2008 г.